

РЕФОРМЫ РОССИЙСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА АБЛАЗЕЙ

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института истории
Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия;
e-mail: ablazhey@academ.org

ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ВОДИЧЕВ

доктор исторических наук,
профессор Новосибирского государственного
технического университета
и Национального исследовательского Томского
государственного университета,
Новосибирск, Россия;
e-mail: vodichev@mail.ru

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КРАСИЛЬНИКОВ

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института истории
Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия;
e-mail: krass49@gmail.com

Университет и Академия наук: pas de deux в ритмах эпохи

УДК: 378.4

DOI: 10.24411/2079-0910-2021-11008

В статье на примере Новосибирского государственного университета (НГУ) и Сибирского отделения Академии наук СССР / Российской академии наук (СО АН СССР / СО РАН) представлены перипетии развития отношений между компонентами единого научно-образовательного комплекса, разделенными ведомственными барьерами, в различные исторические периоды. Показано, каким образом внешний контекст, изменение экономической модели и приоритетов научно-образовательной и инновационной политики определяли статус и место университета в интегрированном научном центре. Отражена трансформация модели неформального академического университета в концепт самостоятельного актора национальной научно-образовательной и инновационной политики.

Ключевые слова: НГУ, СО АН СССР / СО РАН, Новосибирский научный центр, Академгородок, Сибирь, академический университет, научно-образовательная политика, инновационная политика, университетские стратегии.

Постановка проблемы и рабочая гипотеза

Традиционно наука, в особенности — фундаментальные исследования, и система образования — рассматривались в качестве несомненных достижений, маркеров успеха и потенциала советского общества. При этом всегда подчеркивалась специфика организации науки в СССР, где Академия наук выступала в качестве ведущей научной организации, «штаба советской науки». Целью высших учебных заведений, в том числе и университетов, была подготовка квалифицированных специалистов для «народного хозяйства» и иных сфер жизнеобеспечения общества. Научная деятельность вузов, несмотря на регулярно повторяющиеся призывы к усилению исследовательской работы, долгое время оставалась на втором плане. Такое разделение функций АН СССР и прочих научных институций, с одной стороны, и вузов, с другой, с точки зрения как теории организации этих видов деятельности, так и глобальных трендов развития науки и высшего профессионального образования было противоестественным. Однако оно имело под собой вполне рациональные основания, вытекающие из специфики развития советского общества (см. подробнее: [Водичев, 2012]).

Трансформировать сложившуюся систему за счет резкого усиления научного потенциала вузов было практически невозможно. Один из наиболее очевидных вариантов качественного изменения системы подготовки человеческих ресурсов для новых технологических укладов и фундаментальной науки заключался в восстановлении единой логической цепочки генерации и трансляции новых знаний и компетенций, что в советских реалиях означало обеспечение глубокой интеграции Академии наук и вузов. Но в условиях как советской экономики, где инновационное давление создавалось административным способом, а внутренний запрос на инновации практически отсутствовал, так и крайне неповоротливой, иерархизированной и глубоко структурированной бюрократической системы в массовом порядке сделать это было невозможно. А с учетом макроэкономической ситуации и реконструкционной экономической политики в стране, где после окончания Второй мировой войны в целом воссоздавалась прежняя структура производства, этого и не требовалось. Технологические прорывы в сфере ВПК жестко администрировались на основе использования мобилизационной парадигмы, а модель интеграции фундаментальных и прикладных исследований и образования с неизбежностью должна

была основываться на принципах исключительности, приоритетности и «ручного управления».

Цель настоящей статьи — реконструировать механизмы взаимодействия между социальными институтами науки и образования и создания инновационной интеграционной модели, связанной с опытом формирования и развития Новосибирского государственного университета (НГУ) как основы научно-образовательного комплекса Сибирского отделения АН СССР / РАН (СО АН СССР / СО РАН). Наша рабочая гипотеза заключается в том, что исключительность этой модели в советской практике определялась мобилизационной парадигмой развития страны. Этот вектор развития обладал огромной инерцией и просуществовал в том или ином виде вплоть до распада СССР и даже несколько дольше. Социальные институты науки и образования выполняли функции контроля и надзора за состоянием соответствующих сфер деятельности, а также индоктринации ее субъектов и не позволяли существенно отклоняться от определившегося вектора развития [Водичев, 2019, с. 58–78]. Именно необходимость выхода за рамки базовой парадигмы развития экономической системы заставляла искать компромиссные варианты в преодолении высоких барьеров между границами двух социальных институтов и, соответственно, предопределяла сложности на этом тернистом пути. При этом продолжали использоваться и типичные для мобилизационной логики развития механизмы, базирующиеся на принципах исключительности и приоритетности. Представляется, что окончательный отход от советского наследия в этой сфере, связанный с разрушением прежней модели организации академической науки и формированием элитного университетского сегмента, привел к смене ролей у обоих участников процесса — СО АН СССР / СО РАН и НГУ.

Теоретический анализ: краткий экскурс в методологию исследования

С теоретической точки зрения именно университеты представляют собой социальный институт, который призван одновременно обеспечивать производство научного знания (как фундаментального, так и прикладного характера), его трансляцию во времени и пространстве, а также аккумуляцию, хранение, преобразование в удобный для потребления вид уже имеющегося знания. Баланс функций при этом не является константой: он динамичен во времени и приобретает различные формы в зависимости от конкретного окружения, что убедительно проявилось в советской практике [Водичев, Лисс, Узбекова, 2013, с. 7–21]. Социальные институты науки и образования оказались в значительной мере оторванными друг от друга, реализовавшись в организационной системе Академии наук и высшей школы.

Важное методологическое значение имеет представление о моделях высшей школы, определяемых характером осуществляемых ими функций. Применительно к развитию глобальной университетской системы принято говорить о миссиях высшей школы, воплотившихся в ее моделях. Модель университета 1:0 расставляет акценты на образовательной функции и подготовке человеческих ресурсов репликационного и имитационного типа. Университеты модели 2:0 одновременно обеспечивают генерацию знаний, что приводит к изменению типа специалистов, получающих подготовку в стенах таких учебных заведений, с акцентом на проектное мышление, системность, мультидисциплинарность и креативность. К этому про-

филию вузов относятся так называемые исследовательские университеты — элитный сегмент высшего образования и науки, в XX в. ставшие основой вузовской системы развитых стран мира. Со второй половины прошлого столетия, по мере формирования базовых структур экономики знаний, все громче стали заявлять о себе университеты модели 3:0, в которых генерация и трансляция знаний активно дополняется функцией агентов развития производственно-технологических кластеров или отдельных территорий [Карнов, 2017, с. 58–76].

Наконец, для понимания динамики места отдельных акторов в экономической политике и динамике технологического развития в контексте данной работы значимо представление о национальной и региональной инновационных системах (НИС, РИС). Под НИС обычно понимается совокупность субъектов и институтов, функцией которых является непосредственная реализация инновационной деятельности и/или поддержка в ее осуществлении. Структурно в НИС входят подсистемы генерации знаний, образования и профессиональной подготовки, производство продукции и услуг, инновационная инфраструктура, включая финансовое обеспечение. Основу НИС составляет подсистема генерации знаний, которая представляет собой совокупность организаций, выполняющих фундаментальные исследования, а также прикладные исследования и разработки [Моргунов, Снегирев, 2004, с. 9]. Соответственно, под РИС понимается территориальный сегмент НИС, ограниченный рамками того или иного региона. В условиях СССР научный комплекс Сибирского отделения АН СССР, несомненно, относился к числу системообразующих оснований отечественной НИС. Научно-исследовательские учреждения (НИУ) Новосибирского научного центра (ННЦ) и НГУ с момента возникновения являлись ведущими акторами, определяющими потенциал РИС. В этом качестве они продолжают функционировать и в настоящее время.

Результаты исследования

1. Академический университет: эволюция «физтеховской» модели

Эффекты дезинтеграции социальных институтов науки и профессионального образования впервые остро проявились в СССР с началом холодной войны. Если в ведущих странах мира достаточно эффективно работал технологический трансфер из оборонных отраслей в другие сферы экономики, обеспечивая поточное продвижение инноваций, то в СССР технологическая политика носила имитационный характер, а научно-технологические прорывы затрагивали лишь крайне ограниченный спектр направлений военно-технического прогресса. Система организации науки и высшего образования, сформировавшаяся в 1930-е гг., не претерпела существенных изменений и была рассчитана на воспроизводство индустриализационной логики развития.

Между тем, уже на старте холодной войны при решении «задачи № 1» и прочих проблем, связанных с разработкой систем вооружения, выяснилось, что при формировании новых технологических укладов, которые в советской практике пробились себе дорогу почти исключительно в системе военно-промышленного комплекса (ВПК) (см., например: [Артемов, 2017]), традиционное «разделение труда» между АН СССР и вузами оказалось неэффективным. Квалификация и уровень подготовки выпускников вузов массовых профессий были недостаточны для работы в этой

области: не хватало фундаментальности и индивидуализации образования, отсутствовало проектное мышление и креативность в подходах к решению конструкторских и технологических задач. Подобные проблемы испытывали и учреждения, занятые исследованиями в области новых направлений фундаментальной науки. Стала очевидной необходимость обращения к носителям фундаментального знания, поиска путей интеграции Академии наук с высшей школой. Возникла первая точка прорыва, связанная с появлением технологического образования исследовательского типа, — «система физтеха».

По словам ее идеолога акад. П.Л. Капицы, она включала в себя «тщательный отбор одаренных и склонных к творческой работе представителей молодежи; участие в обучении ведущих научных работников и тесном контакте с ними в их творческой обстановке; индивидуальный подход к отдельным студентам с целью развития их творческих задатков; ведение воспитания с первых же шагов в атмосфере технических исследований и конструктивного творчества с использованием для этого лучших лабораторий страны»¹. По сути, в «системе физтеха» использовались адаптированные к советским реалиям принципы подготовки, успешно апробированные в зарубежных исследовательских университетах.

Ввиду существующей матрицы высшего профессионального образования в полной мере встроить «систему физтеха» в действующие вузы не удалось даже в МГУ. Созданный там Физико-технический факультет вскоре был расформирован, а на его базе возник вуз нового типа — Московский физико-технический институт (МФТИ) [Карлов, 2008]. В новом вузе удалось гармонизировать учебный процесс, включающий фундаментальное образование и инженерные дисциплины, с одной стороны, и научно-исследовательскую работу сотрудников, преподавателей, аспирантов и студентов на базе ведущих академических институтов, отраслевых институтов и конструкторских бюро, с другой. Наиболее близкой параллелью из опыта развития мировой науки и образования для МФТИ стал Массачусетский технологический институт (МТИ).

Однако МФТИ оставался явным исключением из правил. Успешная попытка воспроизвести «систему физтеха», но уже в модернизированном виде и с переносом на почву не инженерного, а фундаментального естественнонаучного образования была предпринята в конце 1950-х гг. в новосибирском Академгородке. Созданный здесь университет изначально формировался в рамках концепции развития нового научного центра и рассматривался как его неотъемлемая часть. В разработке концепции университета, как, впрочем, и самого научного центра, принимали участие крупнейшие специалисты, ранее входившие в число организаторов и руководителей МФТИ, работавшие в нем в качестве исследователей и преподавателей, а также имевшие опыт трансфера сложившихся практик в другие учреждения ВПК.

Преемственность НГУ с «Физтехом» обозначалась прямо и конкретно. 10 октября 1957 г. на заседании Ученого совета только что созданного СО АН СССР с докладом об организации Новосибирского университета выступил первый декан физико-технического факультета МГУ проф. Д.Ю. Панов, который еще в конце 1938 г. вместе с М.А. Лаврентьевым, Н.И. Мухелишвили, С.Л. Соболевым и С.А. Христиановичем стал автором статьи в газете «Правда», где поднимался вопрос

¹ Из письма П.Л. Капицы Председателю СНК СССР И.В. Сталину. Цит. по: [Щука, 2010, с. 86].

об организации подготовки инженерных кадров нового типа [Карлов, 2007, с. 5–6]. В докладе подчеркивалось, что НГУ предполагается создать на тех же основаниях, что и Физтех [Аблажей, Водичев, Красильников, 2019, с. 14]. В итоговой резолюции за подписью акад. М.А. Лаврентьева предлагалось распространить на НГУ действие «всех постановлений и распоряжений правительства и министерства по МФТИ» [Аблажей, Водичев, Красильников, 2019, с. 14].

Важнейшим итогом этого дискурса стал вывод о том, что прорывные решения легче реализуются в том случае, если они не встраиваются в уже работающую систему, созданную на иных организационных основаниях, а формируются «с нуля». Не менее значимым оказалось понимание необходимости изначально сформулировать базовые организационные принципы и алгоритмы работы нового университета как вуза *исследовательского* профиля. Первое условие определило одномоментность создания нового академического центра и университета как его органической части; второе — концептуальное единство академической науки и образования в системе научного комплекса. Фактически впервые в российской истории (если не считать Академический университет Петра Первого) предпринималась попытка сформировать вуз, который и концептуально, и административно входил бы в систему академической науки. Миссией НГУ должна была стать подготовка исследователей для фундаментальной и прикладной науки. Концепция НГУ как части академического комплекса также предопределила профиль университета и его ориентацию на те направления науки, которые считались наиболее перспективными для СО АН СССР.

Первый ректор НГУ акад. И.Н. Векуа, рассуждая о принципах организации вновь созданного вуза, предпочитал использовать формулу «университет нового типа». В программной статье в газете «Правда» он подчеркивал, что «Новосибирский государственный университет — это не просто новое высшее учебное заведение. Он явится университетом нового типа. У него не будет собственных лабораторий. Вся учебная и научная деятельность университета строится на базе научно-исследовательских институтов и промышленных предприятий. Студенты параллельно с обучением будут работать в научно-исследовательских институтах и в заводских лабораториях и конструкторских бюро г. Новосибирска...»².

НГУ стал вторым вузом страны, в котором были реализованы принципиально новые подходы к интеграции системы фундаментальных исследований и образования. Однако цели и базовые ориентации университета, а также тот факт, что НГУ создавался почти на десять лет позднее МФТИ, повлияли на эволюцию «физтеховского» концепта. Система подготовки была достроена «снизу» и «сверху»: отбор студентов в университет в значительной мере осуществлялся через систему олимпиад и физико-математическую школу (ФМШ), основу преподавательского корпуса составили ведущие сотрудники НИУ ННЦ. Обучение в университете основывалось на принципах индивидуальной работы преподавателей со студентами и ранней специализации последних. Практикумы проходили на лабораторной и приборной базе академических институтов. В НГУ «физтеховская система» была адаптирована к потребностям классического университета с широким набором специальностей и специализаций в области естественных, а в дальнейшем также общественных и гуманитарных наук. Цели, задачи, структура и перспективы университета формулировались исходя из потребностей СО АН СССР, которое форми-

² Правда. 1959. 19 июня. № 170.

ровалось как комплексный и междисциплинарный научный центр. НГУ стал одним из так называемых новых университетов, но очень быстро вошел в число ведущих российских вузов и получил широкое международное признание.

2. Незавершенная институционализация

Формирование эффективно работающего исследовательского университета рассматривалось в качестве неперемного условия успеха нового академического центра. Благодаря приоритетности проекта по формированию СО АН СССР и политической поддержке на самом высоком уровне на этой стадии удалось избежать сложных бюрократических коллизий с заинтересованными ведомствами. В письме министра высшего образования СССР В.П. Елютина отмечалось, что Министерство «считает целесообразной организацию указанного университета с местонахождением в городке, который будет построен для Сибирского отделения Академии наук СССР вблизи г. Новосибирска»³. Отмечалось, что «лаборатории создаваемых научных институтов могут быть использованы как база для обучения студентов старших курсов, а высококвалифицированные научные кадры этих институтов привлечены к преподавательской работе» [Аблажей, Водичев, Красильников, 2019, с. 13]. В справке Управления делами Совета Министров СССР об организации НГУ также отмечалось, что организацию университета предполагается осуществить на материально-технической базе, создаваемой для СО АН СССР⁴. В конечном итоге в Постановлении Совета Министров СССР от 9 января 1958 г. «Об организации Новосибирского государственного университета» формулировалось: «Обязать Совет Министров РСФСР предусмотреть в плане капвложений на строительство объектов научного городка Сибирского отделения Академии наук СССР необходимые ассигнования на строительство зданий и оснащение Новосибирского государственного университета»⁵. Казалось бы, правительственные инстанции не только не возражали, но и поддерживали замысел создания университета в системе Академии наук. Однако прямые упоминания на это в документах отсутствовали. В дальнейшем последнее станет большим препятствием при институционализации уже сформированного вуза.

После быстрого и успешного старта НГУ сразу же столкнулся с множеством бюрократических проблем. В газете «Правда» акад. И.Н. Векуа отмечал, что «...Новосибирский университет организуется совместными усилиями Министерства высшего образования и Сибирского отделения Академии наук СССР»⁶. В дальнейшем он неоднократно развивал тезис о некоторой «двусмысленности» статуса университета. В частности, на заседании ученого совета НГУ 10 января 1960 г. ректор подчеркнул: «Фактически мы находимся при Сибирском отделении Академии наук, а формально, конечно, это есть университет Министерства высшего образования, и такой формальной подчиненности Академии нет. Это вызывает много неудобств. С одной стороны, все, что мы имеем, и все, что должны иметь в будущем, это зависит

³ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 4. Оп. 16. Д. 376. Л. 114.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 92. Д. 123. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 20.

⁶ Правда. 1959. 19 июня. № 170.

от Сибирского отделения — и техника, и снабжение; все по существу снабжение сейчас мы получаем от Москвы и даже в большем количестве. Причем то, что дается на строительство, — это целиком дается Сибирским отделением. Наш университет, весь учебный процесс — и это положение есть главное — будет строиться на базе институтов Сибирского отделения. Так что университет будет являться неотъемлемой частью всей системы Сибирского отделения. Поэтому найти тот модус, необходимый для юридического оформления, — это очень важное обстоятельство. Тут, не скрою от Вас, было такое предложение, чтобы, как исключение, считать НГУ научным учреждением Сибирского отделения и вообще учреждением Академии наук. Это будет совершенно новое, не свойственное пока Академии наук учреждение <...> Лично я тоже думаю, что сразу решить этот вопрос, по-видимому, очень трудно»⁷.

В начале 1960-х гг. М.А. Лаврентьев дважды пытался обеспечить перевод НГУ в состав Сибирского отделения АН СССР. Впоследствии в своих мемуарах он отмечал: «Несколько раз Сибирское отделение выступало с предложением передать Новосибирский университет в его ведение — это помогло бы более тесному слиянию наших интересов, более оперативной подготовке кадров по новым специальностям, широкому привлечению ученых к работе с молодежью. Но это не получилось» [Век Лаврентьева, 2000, с. 173]. Был достигнут лишь некоторый компромисс: в 1962 г. в Минвузе все же был утвержден Устав НГУ, где отношениям с Сибирским отделением придавался приоритетный характер. Речь шла об углубленном сотрудничестве в различных формах и направлениях, а также о праве приоритетного распределения выпускников в академические институты. Де-юре НГУ находился под юрисдикцией Минвуза, но де-факто являлся частью Сибирского отделения. Решение было половинчатым, но даже этот вариант дал старт становлению университета нового типа, на полвека определившего программу создания исследовательских вузов в масштабах страны.

3. НГУ в академическом ландшафте 1960–1980-х гг.

СО АН СССР с самого начала рассматривало университет как одно из своих подразделений и делилось с НГУ имеющимися финансовыми, материальными, кадровыми и информационными ресурсами и возможностями. Университет получал от академического центра здания и помещения для учебных занятий, общежития для студентов, квартиры для преподавателей, что было особенно важно на этапе становления нового вуза. Средства профильного министерства направлялись преимущественно на заработную плату и стипендии, а также на хозяйственные расходы. Фактически финансирование НГУ в конце 1950-х — середине 1960-х гг. осуществлялось на паритетных началах. Например, в период с 1959 по 1964 г. Сибирское отделение, получавшее средства из госбюджета отдельной строкой, вложило в университет 5 129,4 тыс., а Минвуз РСФСР — 5 864,7 тыс. руб.⁸

Руководство СО АН СССР, пользуясь своим политическим весом, постоянно прессинговало Минвуз, подчеркивая уникальность НГУ и его специфическую миссию по подготовке специалистов для академических институтов, со студенческой скамьи способных эффективно работать по приоритетным направлени-

⁷ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 8. Л. 60–61.

⁸ Там же. Д. 226. Л. 9.

ям современной науки. Вопрос об институциональной интеграции университета и Сибирского отделения поднимался не только основателем СО АН СССР акад. М.А. Лаврентьевым, но и практически всеми последующими руководителями СО АН СССР / СО РАН. Это приносило некоторые плоды и позволяло решать ряд важных вопросов «в порядке исключения». В их числе были такие, как сроки и правила приема студентов, право на разработку авторских учебных планов, высокая доля совместительства и др. [Аблажей, Водичев, Красильников, 2019, с. 24]. Однако возвращаться к проблеме особого статуса НГУ приходилось практически каждый год, заново отстаивая свое право на «лица необщее выражение». С середины 1960-х гг., по мере ослабления механизмов лоббирования интересов СО АН СССР в высших институтах власти, делать это становилось все труднее. Идею создания второго после МФТИ исследовательского университета, уже не технологического, а классического по своему типу, административная система восприняла более жестко, и противодействие оказалось еще более серьезным.

Совместительство — базовый принцип развития НГУ (доля сотрудников СО АН — совместителей и преподавателей на почасовой оплате в некоторые годы превышала 80%) — продолжало раздражать профильное министерство и традиционно расценивалось им как недостаток. Бюрократическая система не желала понимать, что в условиях комплексного научного центра, частью которого де-факто является университет, оно оказывалось несомненным достоинством. Именно принцип совместительства позволял привлекать в университет специалистов по новым направлениям подготовки и формированию новых учебных дисциплин.

Спустя 20 лет после основания СО АН СССР и НГУ надежды на то, что университет когда-либо окажется структурной частью академического комплекса, полностью развеялись. Вместе с тем окончательно сложилась система отношений между университетом и академической наукой, в рамках которой разрабатывались и осуществлялись и научно-образовательная политика в научном центре, и стратегия развития университета. Ректор НГУ традиционно входил в состав президиума Отделения, и статус его в системе неформальных отношений был весьма высок. Проректоры и большинство деканов, выходцы из СО АН СССР, сохраняли при переходе в НГУ совместительство на руководящих постах в академических институтах. Ведущие ученые Отделения, как правило, составляли большинство в ученых советах университета и факультетов. СО АН СССР подкрепляло своим авторитетом НГУ в кабинетах власти.

Решить на какое-то время задачу формализации сложившихся отношений между Сибирским отделением и университетом удалось новому председателю СО АН СССР акад. Г.И. Марчуку (впоследствии президент АН СССР) и ректору НГУ акад. В.А. Коптюгу (впоследствии председатель СО АН / РАН, вице-президент АН). В апреле 1979 г. был представлен проект первого договора о сотрудничестве; спустя пять месяцев его утвердили на коллегии республиканского Минвуза. В договоре фиксировались сложившиеся принципы и формы взаимодействия НГУ и СО АН СССР в области подготовки и эффективного использования кадров для сфер науки и народного хозяйства страны, формулировались основы многоуровневой системы образования, модели повышения квалификации преподавателей вузов и специалистов-производственников. Центральное место в документе уделялось базовым принципам учебно-научной работы со студентами. Особо оговаривалась система взаимоотношений НГУ и СО АН СССР в области координации научно-иссле-

тельских работ [Водичев, Красильников, Ламин и др., 2007, с. 260; Аблажей, Водичев, Красильников, 2019, с. 211].

Взаимодействие институтов Отделения с университетом выработало особую модель интеграции: научный институт становится *базовым* для кафедры и/или факультета вуза, предоставляя не только научное оборудование для обучения, но и рабочие места для студентов, магистрантов и аспирантов, вовлекая их в исследовательский процесс. Научные сотрудники институтов составляли основу преподавательского корпуса, во многом определяя структуру учебных курсов и специализацию студентов. Ученые советы и деканаты факультетов совместно с руководством и учеными советами соответствующих базовых НИИ вырабатывали рекомендации, касающиеся перспектив развития факультетов и их функционирования. Логичным развитием этих практик стало формирование совместных кафедр и лабораторий, позволявших проводить научные исследования в рамках тематики академических институтов.

Отношения СО АН СССР с университетской системой не исчерпывались Новосибирским университетом. Происходил перенос определенных элементов сибирского варианта «системы физтеха» и опыта НГУ в практику взаимодействия Сибирского отделения с другими вузами. В 1969 г. на базе филиала НГУ возник Красноярский государственный университет, впоследствии ставший одним из ведущих вузов региона. При Новосибирском электротехническом институте (впоследствии — Новосибирский государственный технический университет, НГТУ) были созданы совместные кафедры и научные лаборатории, где использовались формы подготовки специалистов, ранее апробированные в НГУ. При формировании интеграционных механизмов взаимодействия с ведущими вузами региона, в которых сложились крупные научные школы и имелись устойчивые традиции качественного профессионального образования и осуществления научных исследований, принималась во внимание специфика территории и самих вузов. Это привело к эффективному развитию связей с Томским, Иркутским университетами и другими вузами Сибири. В итоге в 1980 г. НГУ был признан базовым вузом страны по совершенствованию взаимодействия высшей школы и Академии наук.

4. Стратегии выживания — вместе или поодиночке?

Системный кризис 1990-х гг. в науке и высшем образовании не мог обойти стороной ни Академию наук, ни университеты. Непоследовательность и противоречивость государственной политики в сфере науки и образования, огромное недофинансирование, снижение уровня материально-технической обеспеченности научных исследований и образовательного процесса, ухудшение материального положения исследователей и преподавателей — все это было характерно как для Сибирского отделения, так и для НГУ [Бодрова, Калинов, 2020, с. 142–153; Водичев, Красильников, Ламин и др., 2007, с. 335–340]. Большие проблемы доставляли постоянно возникавшие правовые коллизии и лакуны в законодательстве, касающемся науки и высшего образования. Научный центр и университет в попытках сохранить свой потенциал часто принимали решения исходя из собственного видения ситуации. Лишь во второй половине 1990-х гг. государство стало отходить от политики минимального вмешательства в эту сферу, появились конкурсные федеральные программы, стало увеличиваться финансирование учреждений РАН и высшей школы.

В условиях расширившейся автономии вузов искусное маневрирование, мониторинг институциональных изменений в науке и профессиональном образовании,

а также ситуации на рынках труда быстро воплощались в практические решения. В НГУ возникали новые факультеты, расширялся спектр специальностей и программ подготовки, вводилась «болонская» система обучения (бакалавр — магистр), формировались новые модели финансирования, позволявшие эффективнее использовать возможности различных бюджетных и внебюджетных источников. При этом сама концепция НГУ как вуза, базирующегося на «физтеховской системе», с учетом ее адаптации к меняющимся реалиям, не ставилась под сомнение. Не подвергалась сомнениям и сложившаяся система связей и отношений с «материнской» структурой — СО РАН. В условиях жесткого кризиса альтернативы для НГУ просто не существовало.

В начале 1998 г. был подписан очередной договор об основных принципах взаимодействия НГУ и СО РАН. Это был первый договор такого рода в постсоветское время, но принципиально он мало чем отличался от предыдущего соглашения. В декабре того же года в Томске состоялось совместное заседание президиума Сибирского отделения РАН и Совета ректоров вузов Сибири по проблемам взаимодействия академической и вузовской науки. Тезис о том, что развитие интеграции между академическими и вузовскими учреждениями должно оставаться одним из важнейших направлений деятельности в научно-образовательной сфере, лег в основу соглашения о сотрудничестве в области формирования и реализации научно-технической и инновационной политики, подготовки кадров высшей квалификации, заключенного между министерствами науки и технологий и общего и профессионального образования РФ, Межрегиональной ассоциацией «Сибирское соглашение» и СО РАН. Особо значимым стало развитие единого информационного пространства на базе сети «Интернет», обеспечивающего доступ к научной литературе и электронным информационным ресурсам РАН, а также активное взаимодействие Академии и вузов в рамках программы «Интеграция». Опыт сотрудничества СО РАН и НГУ оставался в центре этого документа.

5. «В поисках собственного Я», или Попытка возвращения к истокам

Решением Общего собрания СО РАН в ноябре 2004 г. был поставлен вопрос о возвращении к идее «академического университета», теперь уже в формате научно-образовательного центра на базе Сибирского отделения. К этому времени в Санкт-Петербурге уже действовал созданный в 1999 г. Научно-образовательный центр Физико-технического института имени А.Ф. Иоффе РАН (ныне — Санкт-Петербургский национальный исследовательский академический университет им. Ж.И. Алфёрова РАН). Соответствующее обоснование изменения статуса НГУ было представлено в правительственные инстанции. В программе реформирования системы образования, утвержденной Министерством образования в сентябре 2005 г., содержался проект организации исследовательского университета на базе интеграции НГУ и СО РАН. Однако практические решения увязли в юридических сложностях, и концепту академического университета в Академгородке вновь не суждено было осуществиться. В правительстве возобладали другие сценарии реформирования высшего образования, на основе выделения приоритетных сегментов в виде федеральных и национальных исследовательских университетов, без прямого включения последних в систему академической науки.

Институциональные механизмы взаимодействия и сотрудничества НГУ и СО РАН отныне базировались на модификации ранее сложившихся практик,

исключая полную интеграцию или поглощение университета академическим центром. В их числе оказались совместная реализация научно-исследовательских проектов и программ, финансируемых отечественными и зарубежными фондами, и внебюджетных проектов, совместное проведение научных конференций, симпозиумов, семинаров и т. п. Приоритетными стали программные формы интеграции, материализованные в виде учебно-научных центров, научно-образовательных комплексов и научно-образовательных центров. В рамках программ «Интеграция», «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» и др. создавались новые виды совместной с вузами научной инфраструктуры, прежде всего в виде учебно-научных центров (в середине 2000-х гг. их количество в НГУ превысило 25, в них участвовало 33 института ННЦ СО РАН).

Большинство учебно-научных центров трансформировалось в научно-образовательные комплексы (НОК) и научно-образовательные центры (НОЦ), представлявшие собой укрупненные интеграционные структуры университетов и академических институтов. НОК стали неструктурными подразделениями НГУ, организованными на принципах сетевого партнерства его участников. Их системообразующими элементами являлись факультеты, в ряде случаев — не один, а сразу несколько, что позволяло развивать междисциплинарные исследования и стратегии обучения. К середине 2000-х гг. на базе НГУ действовали 11 НОК и один ресурсный центр в области инновационной деятельности. В работе таких НОК и НОЦ участвовали почти все факультеты, 69 кафедр (из 103), 15 лабораторий и отделов НГУ. Их партнерами стали 20 институтов СО РАН и 4 института СО РАН, а также более 15 инновационных компаний [Аблажей, Водичев, Красильников, 2019, с. 259]. В 2008 г. состоялась сессия Общего собрания СО РАН «Научно-образовательный комплекс Сибири. Состояние и прогноз кадрового обеспечения научно-технологического развития» с участием ректоров ведущих вузов региона. В его решениях подтверждалось намерение Сибирского отделения способствовать развитию сложившихся форм интеграции академической науки и высшей школы, в том числе и посредством участия в научно-образовательных комплексах и центрах. Вместе с тем, с учетом изменившейся обстановки и приоритетов научно-образовательной политики, речь о включении НГУ в состав академического комплекса более уже не шла. НГУ де-факто демонстрировал все большую самостоятельность в принятии стратегических решений. Это, в частности, воплотилось в крупнейших структурных изменениях с момента основания университета, связанных с формированием новых факультетов.

Появление нескольких новых факультетов стало результатом попыток руководства университета и университетского сообщества найти подходящие для НГУ ниши на рынке востребованных профессий, неудовлетворенный спрос на которые в регионе был весьма велик. Вместе с тем создание большинства новых факультетов, имевших преимущественно обществоведческую и гуманитарную направленность, было неоднозначно встречено в СО РАН. Причина разногласий заключалась в отсутствии институциональной базы для некоторых факультетов (иностранных языков, психологии, журналистики) и специальностей в системе Отделения. Многие рассматривали этот факт как отход от изначальной философии университета как центра подготовки специалистов, главным образом, с продвинутым естественнонаучным образованием для сферы фундаментальной науки. Но имевшиеся в академических кругах сомнения и возражения не изменили позиции университетского руко-

водства, сумевшего отстоять свое право на нетривиальные решения по расширению структуры и направлений подготовки специалистов. Структурные изменения стали первым столь очевидным проявлением претензий НГУ на более самостоятельную и независимую роль в стратегическом альянсе с академическим комплексом.

6. НИУ НГУ — новые возможности

Во второй половине 2000-х гг. произошла актуализация экономических стратегий, базирующихся на принципах «экономики знаний», что вызвало изменения в научно-образовательной политике страны. На рубеже первого и второго десятилетий XXI в. стало окончательно ясно, что акценты сместились от академического комплекса в сторону университетов. На этом фоне возникла программа формирования элитного компонента в системе высшей школы, который должны были составлять федеральные и национальные исследовательские университеты. Фактически речь шла о создании в стране нового сегмента науки и высшей школы. В 2006 г. была разработана концепция НГУ как федерального университета, основанная на оптимизации модели интеграции с СО РАН и формирующимся технопарком Академгородка. Однако решение об организации подобных вузов носило политический характер и принималось отнюдь не на конкурсной основе. В итоге Сибирский федеральный университет был создан в Красноярске. Его ядром стал классический университет, образованный в свое время на базе филиала НГУ.

В феврале 2007 г. НГУ стал одним из лауреатов конкурса инновационных программ развития вузов, получив грант в размере 930 млн руб. В 2008 г. НГУ вошел в число университетов — участников ФЦП «Развитие инфраструктуры наноиндустрии в РФ на 2008—2010 гг.», в 2009 г. стал победителем открытого конкурса по отбору головных университетов РФ, формирующих Университет Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), по направлению обучения «IT-технологии». Существенный сдвиг в научно-образовательной политике вуза в сторону инноваций тем не менее не означал отказа от тесной координации с академическими институтами. В дальнейшем НГУ реализовал свои амбиции в программе развития национальных исследовательских университетов (НИУ).

По закону на статус национального исследовательского могли претендовать вузы, «одинаково эффективно осуществляющие образовательную и научную деятельность на основе принципов интеграции науки и образования. Важнейшими отличительными признаками НИУ являются: способность как генерировать знания, так и обеспечивать эффективный трансфер технологий в экономику; проведение широкого спектра фундаментальных и прикладных исследований; наличие высокоэффективной системы подготовки магистров и кадров высшей квалификации, развитой системы программ послевузовской переподготовки и повышения квалификации»⁹. Ставились задачи повышения уровня международного признания российской науки и образования; увеличения доли внебюджетных средств в финансировании НИР; создания стимулов для развития экономики (в том числе и в регионе

⁹ Федеральный закон от 10 февраля 2009 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам деятельности федеральных университетов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2009/02/13/fed-univer-dok.html> (дата обращения: 18.06.2020).

размещения университетов); повышения уровня коммерциализации исследований и разработок, улучшения кадрового обеспечения инновационной экономики.

НГУ, имевший все основания считать себя исследовательским университетом с момента создания, не мог не использовать такую возможность. (Тем более что правительство рекомендовало Сибирскому отделению продолжить последовательную политику, направленную на участие в создании сети федеральных и национальных исследовательских университетов.) При разработке Программы развития университет капитализировал все свои возможности и ресурсы, обретенные в историческом единстве с СО РАН. Однако акценты расставлялись уже несколько иным способом, и взаимодействие с академическим комплексом представлялось в качестве лишь одного из аргументов. Университет артикулировал такие свои отличительные особенности, как:

- наличие интегрированного академического ядра, включающего широкий набор дисциплин, которые читаются на всех факультетах и формируют у студентов целостный мировоззренческий фундамент, на котором выстраивается последующая специализация;
- широкое участие в образовательном процессе ученых академических институтов, раннее вовлечение студентов в научно-исследовательский процесс;
- доказавшая свою эффективность система отбора и обучения одаренных школьников из регионов Сибири и Дальнего Востока в СУНЦ (физматшкола) и Высшем колледже информатики НГУ с применением новейших образовательных технологий;
- система межфакультетского сотрудничества, способствующая созданию новых междисциплинарных магистерских программ, а также формированию инновационных знаний и навыков студентов¹⁰. При этом руководство НГУ всячески подчеркивало: «Противопоставления науки в НГУ науке СО РАН нет и не будет. Наши связи только укрепляются <...> Университет не конкурирует с академической наукой, а является своеобразным мостиком в решении общих научно-прикладных задач» [*Собянин, Дулепова, 2012, с. 47*].

В октябре 2009 г. НГУ наряду с двенадцатью другими вузами стал победителем первого этапа федерального конкурса на создание НИУ. Вместе с НГУ в числе немногих региональных вузов такой же статус получил Томский политехнический университет; в 2010 г. к ним присоединились Томский государственный университет и Иркутский государственный технический университет. Со всеми этими вузами СО РАН осуществлял тесное взаимодействие.

Программа развития НИУ НГУ ориентировалась на формирование современного исследовательского университета, способного обеспечить опережающую подготовку специалистов на основе интеграции науки, образования и бизнеса, эффективно объединить генерацию фундаментальных знаний и их конвертацию в новые технологии для инновационного развития и обеспечения национальной безопасности. В НГУ должно было измениться многое: система партнерских отношений с другими субъектами научной, образовательной и инновационной деятельности,

¹⁰ Программа развития государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Новосибирский государственный университет» на 2009–2018 годы. Т. 2. Новосибирск: НГУ, 2009. С. 6.

в том числе традиционные механизмы взаимодействия с СО РАН и академическими институтами; система администрирования в самом вузе, перестраиваемая по проектному принципу; программы подготовки специалистов, адаптированные к новым требованиям и социально-экономическим и социокультурным условиям. Статус национального исследовательского университета создавал новые возможности, но и требования существенно возрастали.

7. НГУ и СО РАН: модификация прежней модели и смена декораций

Наличие нового статуса существенно расширяло окно возможностей для университета как при разработке и реализации собственных научно-образовательных и инновационных стратегий, так и модификации всей системы отношений с СО РАН. Без интеграции с фундаментальной наукой университет, как и прежде, обойтись не мог, но и прежний формат отношений в качестве неинституционализированного структурного элемента академического центра вряд ли мог считаться оптимальным. Это стало особенно очевидным на фоне продолжающегося много лет кризиса как в самой Академии наук, так и в сфере ее отношений со структурами власти в стране. Новая стратегия взаимоотношений НГУ и Сибирского отделения неизбежно должна была соотноситься с реальной практикой и перспективами.

Вялотекущая реорганизация академической науки в конечном итоге привела к тому, что РАН утратила большую часть своих активов и политического влияния. После долгих и мучительных конвульсий, несмотря на продолжающееся сопротивление РАН, реформа Академии наук все же состоялась. Финальный аккорд прозвучал в сентябре 2013 г. с принятием Федерального закона «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». РАН, получив статус федерального государственного бюджетного учреждения, стала, по сути, «клубом академиков», тогда как к правительству перешли все полномочия учредителя и собственника государственного имущества РАН. Для их реализации было сформировано Федеральное агентство научных организаций (ФАНО), в 2018 г. также реорганизованное в профильное Министерство науки и высшего образования, получившее в свое ведение учреждения и имущественный комплекс Академии наук. Фактически Академию наук отстранили не только от управления материальными активами и финансовыми потоками: она потеряла и ряд важнейших рычагов влияния на направления научных исследований.

По мере того как РАН теряла свои исторические преимущества, федеральные и национальные исследовательские университеты, при поддержке властей, лишь набирали вес. НГУ также наращивал свои активы: быстро развивался университетский кампус, в 2015 г. распахнул свои двери новый корпус, существенно расширивший аудиторные и лабораторные ресурсы вуза. Инфраструктурные возможности НГУ приблизились к лучшим университетам мира. Менялись структура и система управления НГУ. В 2014 г. университет получил статус федерального государственного автономного образовательного учреждения, что расширило его самостоятельность в распоряжении средствами и выборе стратегий развития. Система коллегиального управления теперь включала такие органы, как Наблюдательный и Международный академический советы, в состав которых входили представители власти, бизнеса, всемирно известные ученые, в том числе нобелевские лауреаты. Был создан Эндаумент НГУ. Произошла реорганизация внутренней структуры универси-

тета: в 2016 г. традиционная факультетская структура была дополнена тремя институтами (гуманитарным, медицины и психологии, философии и права). НГУ остался сравнительно небольшим и компактным вузом, при том что в 2000-х гг. количество студентов увеличилось более чем в два раза (до 8 000 человек).

В сфере научных исследований основным стратегическим партнером университета по-прежнему оставалась академическая наука. Сотрудничество с академическими институтами продолжалось, но при этом все большая часть исследований осуществлялась на активно развивающейся собственной базе. Особую роль при этом играли междисциплинарные проекты и программы: НГУ эффективно использовал свои возможности как вуза, в котором присутствовали различные направления современной науки. Университетская стратегия в области НИР базировалась преимущественно на таких направлениях науки, которые ранее не были представлены не только в НГУ, но и в институтах СО РАН. НГУ по-прежнему оставался *настоящим исследовательским университетом*.

Все шире развивалось взаимодействие с новыми партнерами за рамками академической сферы, прежде всего субъектами инновационного бизнеса. Символом 2010-х гг. в университете стало слово «инновации». Первым направлением инновационной деятельности стала генерация точек роста и инновационного бизнеса внутри самого университета. С 2009 г., когда были созданы соответствующие институциональные условия и обеспечена правовая основа для формирования малых инновационных компаний в вузах, работа по формированию инновационных стартапов резко активизировалась¹¹. На рубеже десятилетий НГУ вошел в число победителей ряда общенациональных конкурсов, направленных на развитие инновационной инфраструктуры в высших учебных заведениях и создание высокотехнологичных производств на основе вузовских разработок. Это способствовало привлечению значительных финансовых средств и существенно повысило престиж инновационной деятельности в стенах университета. Еще одним направлением в развитии инноваций стало взаимодействие с инновационными предприятиями Академгородка, Новосибирска и других регионов страны и мира. Традиционная модель интеграции НГУ с научными институтами активно переносилась в сферу партнерства с бизнесом: было сформировано несколько совместных исследовательских лабораторий, учебно-научных центров, центров развития компетенций с такими компаниями, как “Intel”, “Hewlett-Packard”, “Parallels” и др. НГУ сотрудничал с ассоциациями малых инновационных предприятий, крупнейшими IT-компаниями, с центром «Сколково», а также с технопарком новосибирского Академгородка («Академпарк»). В вузе значительно возросла роль инжиниринговых исследований и образования.

В 2013 г. НГУ стал одним из участников программы «5–100», нацеленной на повышение престижности российского высшего образования. Представленный на конкурс проект НГУ предполагал кардинальное расширение научно-исследовательской базы и инфраструктуры университета и ее качественное улучшение. В НГУ было создано семь так называемых стратегических академических единиц — научно-образовательных консорциумов, базирующихся на основе коллек-

¹¹ Федеральный закон от 2 августа 2009 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2009/08/04/int-dok.html> (дата обращения: 18.06.2020).

тивов исследователей, осуществляющих поиск в актуальных научных направлениях и активно участвующих в образовательной деятельности, по которым ожидаются прорывные научные и научно-технические результаты. На базе НГУ было реализовано несколько «мегагрантов», полученных в рамках государственной программы «Развитие науки и технологий». Современные возможности и потенциал НГУ убедительно подтверждают амбиции университета в качестве сильного и самостоятельного актора, способного выстраивать систему отношений и коллабораций с любыми партнерами в зависимости от приоритетов своей собственной стратегии и программы развития.

Выводы

Таким образом, за прошедшие более чем полвека взаимоотношения университета и Академии наук претерпевали многочисленные метаморфозы, отражая не только «смену вех» отечественной истории, но и глобальные тренды в развитии университетов как «центров превосходства» стран и регионов их локализации, а также представления лидеров научного сообщества СО АН СССР / СО РАН и самого НГУ относительно принципов их взаимодействия и сотрудничества. Можно ли было представить себе НГУ без СО РАН, а СО РАН без НГУ? Думается, что сама постановка вопроса выглядит несколько сюрреалистичной. На старте истории Сибирского отделения университет рассматривался как его неотъемлемая часть, системообразующий элемент базового концепта научного комплекса. Такая модель, с одной стороны, впитала в себя представления ряда крупнейших ученых и организаторов науки и образования о ведущих тенденциях научной (научно-образовательной, инновационной) политики в мире, в рамках которой высшее образование исследовательского типа было неотделимо от фундаментальных исследований мирового уровня. Подготовка специалистов, способных эффективно работать в науке и инновационном производстве, также не мыслилась без непосредственного участия в научной деятельности.

В отличие от мировой практики, в советский период не университеты, а Академия наук выступала лидером в сфере фундаментальных исследований не только в «гражданской», но и в значительной мере в «оборонной» науке. Однако по естественным причинам без университетов обойтись было невозможно, и система достраивалась за счет таких «новообразований», как Физтех, МИФИ, МВТУ, а также отдельных сегментов в уже существующих ведущих университетах страны — МГУ, ЛГУ, Казанском и Горьковском университетах, в Сибири — классическом университете и политехническом институте в Томске. НГУ стал, возможно, наиболее весомым звеном в этой цепи. Его административное вхождение в состав Академии наук выглядело бы вполне логично, но сопротивление бюрократической системы со своими сложившимися интересами преодолеть не удалось. В силу этого процесс оставался незавершенным, положение дел де-юре и де-факто коренным образом отличалось.

В советский период Академия наук была игроком с принципиально иным, намного более весомым авторитетом и возможностями. В особенности это касалось Сибирского отделения, Академгородка, ставшего одной из последних советских «великих строек коммунизма» и символом советских достижений в науке. В этих

условиях полная административная интеграция с СО АН СССР для НГУ была бы вполне логичной. Но и дивиденды, которые приобретал НГУ от статуса неформального академического университета, трудно переоценить. Они касались всех сторон его деятельности — как связанных с реализованным концептом единого научно-образовательного комплекса в Академгородке (это: возможности использования ведущих ученых в качестве преподавателей, опора на научную инфраструктуру научного центра, участие в приоритетных научных программах и проектах и в системе коммуникаций и т. д.), так и прочих преимуществ (таких как политический вес в научном сообществе, возможности привлечения финансирования из бюджета научного центра и др.). Все это обеспечило НГУ известность, влияние и институциональную устойчивость.

Бюрократические структуры, создавая многочисленные препятствия для развития университета по первоначальному базовому алгоритму (ранняя специализация студентов, авторские программы, индивидуальные образовательные стратегии, широкое использование совместителей, практическое обучение в лабораториях академических институтов, самостоятельное распределение выпускников и т. п.) не могли не признавать его авторитет в вузовской системе страны. Что касается последней попытки «академизации» НГУ уже в рамках постсоветских реалий, то формирование концепта интеграции СО РАН и НГУ, а фактически — поглощения НГУ Сибирским отделением на основе трансформации последнего в кадровый центр научного комплекса, во многом было данью исторической традиции в условиях неопределенности дальнейшего вектора развития научной политики в стране. Академия наук рассчитывала на восстановление своего, во многом утраченного в 1990-е гг., авторитета и влияния, а Сибирское отделение — на усиление своих позиций как в РАН, так и во внеакадемическом окружении, и НГУ мог стать для этого весомым аргументом. Сам же университет вплоть до конца 1990-х гг. не демонстрировал самостоятельных амбиций, всячески подчеркивая свою функциональную связь с Академией наук.

Все начало меняться во второй половине первого десятилетия нового века, когда акценты были смещены с академического на университетский сектор науки, а турбулентность в РАН усилилась. После получения НГУ статуса национального исследовательского университета он, сохраняя свои особенности как часть научного комплекса Академгородка и Сибирского отделения РАН в целом, все активнее претендует на самостоятельную, а во многом — ведущую роль в этом альянсе. Теперь уже университет обладает весомыми аргументами, начиная от политической поддержки «наверху» и заканчивая объемами финансирования, не зависящими от СО РАН. Претензии НГУ на такую роль в 2010-х гг. становятся все более очевидными. Представляется, что теперь уже самому Сибирскому отделению то обстоятельство, что в состав академического комплекса де-факто входит исследовательский университет, способно принести весомые политические дивиденды [Водичев, 2010, с. 316–322].

Очевидно, что стратегический альянс этих двух игроков — НГУ и СО РАН — будет сохраняться и в дальнейшем. Это своего рода *win-win strategy*, от которой выигрывают обе стороны. Необходимо лишь взаимное признание новых реалий и изменения произошедшего баланса. Географические факторы, локализация субъектов научно-образовательной и инновационной деятельности носят объективный характер, и вмешаться в них невозможно. Соответственно, несмотря на меняющиеся

роли, и НГУ, и ННЦ СО РАН, наряду с Технопарком, ГНЦ «Вектор», рядом инновационных предприятий, представляются ключевыми элементами региональной инновационной системы. Хотя теперь речь идет, скорее, не о СО РАН как единой организации, а об институтах Отделения, с которыми НГУ будет способен выстраивать эффективные индивидуальные стратегии взаимодействия и сотрудничества, во многом независимые от прежней интегрированной системы взаимоотношений с Сибирским отделением в целом.

НГУ, сохраняя профиль исследовательского университета, в русле новых тенденций со всей очевидностью эволюционирует в направлении реализации миссии «Университета 3:0». По утверждению ректора НГУ акад. М.П. Федорука, «...в перспективе вуз ставит своей задачей развить сегмент высокоинтеллектуальной инженерии и технологического предпринимательства, которые позволят Новосибирскому научному центру преодолеть разрыв между фундаментальными исследованиями и рыночными решениями» [Федорук, Яковлева, 2019, с. 857]. С одной стороны, это обеспечит ему дальнейшую финансовую и политическую поддержку, с другой — неизбежно выведет систему партнерских отношений далеко за рамки лишь академического комплекса. В любом случае национальную инновационную систему России, как и ее региональный сегмент, невозможно представить без НГУ и институтов СО РАН. Pas de deux университета с Академией наук продолжается, но в этой паре ведет уже другой партнер.

Источники

Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 226; Д. 8.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446. Оп. 92. Д. 123.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 4. Оп. 16. Д. 376.

Правда. 1959. 19 июня. № 170.

Программа развития государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Новосибирский государственный университет» на 2009–2018 годы. Т. 2. Новосибирск: НГУ, 2009. С. 2–12.

Федеральный закон от 10 февраля 2009 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам деятельности федеральных университетов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2009/02/13/fed-univer-dok.html> (дата обращения: 18.06.2020).

Федеральный закон от 2 августа 2009 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2009/02/13/fed-univer-dok.html> (дата обращения: 18.06.2020).

Литература

Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А. Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Отв. ред. М.П. Федорук. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. 404 с.

Артемов Е.Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М.: РОССПЭН, 2017. 343 с.

Бодрова Е.В., Калинов В.В. Сибирское отделение РАН в условиях либеральных реформ 1990-х гг. // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 453. С. 142–153.

Век Лаврентьева. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. 456 с.

Водичев Е.Г. Исследовательский университет в пространстве академического комплекса: точки роста и пределы возможностей в рамках сложившихся моделей развития // Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического проектирования, инновационного и технологического развития России: Труды Шестой Всероссийской научно-практической конференции. 27–28 мая 2010 г. Ч. 2. М., 2010. С. 316–322.

Водичев Е.Г. Наука и высшая школа: дихотомия мобилизационной парадигмы // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11. № 3. Ч. 1. С. 58–78.

Водичев Е.Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск: Академ. изд-во «Гео», 2012. 348 с.

Водичев Е.Г., Красильников С.А., Ламин В.А. и др. Российская Академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк. Новосибирск: Наука, 2007. 510 с.

Водичев Е.Г., Лисс Л.Ф., Узбекова Ю.И. Высшая школа в условиях системных трансформаций: сравнительно-исторический аспект. Новосибирск: Академ. изд-во «Гео», 2013. 396 с.

Карлов Н.В. Книга о Московском Физтехе. М.: Физматлит, 2008. 600 с.

Карлов Н.В. Они создавали Физтех. Выпуск второй. (По архивным материалам и воспоминаниям). Препринт. М., 2007. С. 5–6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.eduspb.com/public/books/byograf/oni_sozdavali_fizteh2.pdf (дата обращения: 18.06.2020).

Карпов А. Современный университет как драйвер экономического роста: модели и миссии // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 58–76.

Моргунов Е.В., Снегирев Г.В. Национальная (государственная) инновационная система: сущность и содержание // Собственность и рынок. 2004. № 7. С. 9.

Собянин В.А., Дулепова Н.В. Новосибирский государственный университет как вектор развития фундаментального высшего образования // Естественнонаучное образование: взаимодействие средней и высшей школы. Сборник / Под общ. ред. акад. В.В. Лунина и проф. Н.Е. Кузьменко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 43–63.

Федорук М.П., Яковлева О.Е. НГУ — университет нового типа // Вестник Российской академии наук. Т. 89. 2019. № 8. С. 851–859.

Щука А.А. Физтех и физтехи. Изд. 3-е, пер. и доп. М.: Физтех-полиграф, 2010. 382 с.

University and the Academy of Sciences: Pas de Deux in the Rhythms of the Epoch

NATALIA N. ABLAZHEY

Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia;
e-mail: ablazhey@academ.org

EVGENY G. VODICHEV

Novosibirsk State Technical University,
National Research Tomsk State University,
Novosibirsk, Russia;
e-mail: vodichev@mail.ru

SERGEY A. KRASILNIKOV

Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia;
e-mail: krass49@gmail.com

The case of Novosibirsk State University (NSU) and the Siberian Branch of the USSR (Russian) Academy of Sciences represents the ups and downs in the development of relations between the two components of a single scientific and educational complex, divided by departmental barriers, in different historical periods. The authors show how the external context, the change in the economic model and the priorities of the scientific, educational and innovation policies determined the status and place of the university in the integrated scientific centre. The transformation of the model of an informal academic university into the concept of an independent actor of the national scientific, educational and innovative policy is also presented in the paper.

Keywords: Novosibirsk State University, Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences / Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk Scientific Centre, Akademgorodok, Siberia, academic university, scientific and educational policy, innovation policy, university strategies.

References

Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO) [State Archive of the Novosibirsk region], f. P-1848, op. 1. d. 226; d. 8.

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF) [State Archive of the Russian Federation], f. P-5446, op. 92, d. 123.

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (RGANI) [Russian State Archive of Contemporary History], f. 4, op. 16, d. 376.

Pravda, 1959, June 19, no 170.

Programma razvitiya gosudarstvennogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya "Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet" na 2009–2018 gody. T. 2 (2009). [The Development programme of the State Educational Institution of Higher Professional

Education Novosibirsk State University for 2009–2018. Vol. 2]. Novosibirsk: Izd-vo NSU (in Russian).

Federal'nyy Zakon ot 10 fevralya 2009 g. No 18-FZ "O vnesenii izmeneniy v ot-del'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii po voprosam deyatel'nosti federal'nykh universitetov" [Federal Law of 10 February 2009 No 18-FZ "On introducing changes into some laws of the Russian Federation referring to the activities of federal universities"]. Available at: <https://rg.ru/2009/02/13/fed-univer-dok.html> (date accessed: 18.06.2020).

Federal'nyy Zakon ot 2 avgusta 2009 g. No 217-FZ "O vnesenii izmeneniy v ot-del'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii po voprosam sozdaniya budzhetnymi nauchnymi i obrazovatel'nymi uchrezhdeniyami khozyaystvennykh obshchestv v tselyakh prakticheskogo primeneniya (vnedreniya) rezul'tatov intellektual'noy deyatel'nosti" [Federal Law of 2 August 2009 No 217-FZ "On introducing changes into some laws of the Russian Federation referring to the establishment of the economic entities with the purpose of practical utilization (introduction) of the results of intellectual activity in the budgetary research and educational institutions"]. Available at: <https://rg.ru/2009/02/13/fed-univer-dok.html> (date accessed: 18.06.2020).

Ablazhey, N.N., Vodichev, E.G., Krasilnikov, S.A. (2019). *Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet: sozdaniye, stanovleniye, razvitiye (1959–2019)* [Novosibirsk State University: creation, formation, and development (1959–2019)]. Ed. by M.P. Fedoruk. Novosibirsk: Izd-vo NSU (in Russian).

Artemov, E.T. (2017). *Atomnyy proyekt v koordinatakh stalinskoy ekonomiki* [Atomic project in the coordinates of the Stalin's economy]. Moskva: ROSSPEN (in Russian).

Bodrova, E.V., Kalinov, V.V. (2020). Sibirskoye otdeleniye RAN v usloviyakh liberalnykh reform 1990-kh gg. [Siberian Branch of the RAS in the conditions of the liberal reforms of 1990s], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 453, 142–153 (in Russian).

Vek Lavrent'yeva (2000). [The century of Lavrentiev]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, "Geo" branch (in Russian).

Fedoruk, M.P., Yakovleva, O.E. (2019). NGU — universitet novogo tipa [NSU — the university of a new type], *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 89 (8), 851–859 (in Russian).

Karlov, N.V. (2008). *Kniga o Moskovskom Fiztekh* [Book about Moscow Phys-Tech], Moskva: Fizmatlit (in Russian).

Karlov, N.V. (2007). *Oni sozdavali Fiztekh. Vypusk 2 (Po arkhivnym materialam i vospominaniyam)* [They Created Phys-Tech. Issue 2 (Based on the archival documents and memoirs)]. Preprint (pp. 5–7). Moskva. Available at: https://www.eduspb.com/public/books/byograf/oni_sozdavali_fizteh2.pdf (date accessed: 18.06.2020) (in Russian).

Karpov, A. (2017). *Sovremennyy universitet kak drayver ekonomicheskogo rosta: modeli i missii* [Modern university as a driver of the economic growth: models and missions], *Voprosy ekonomiki*, no. 3, 58–76 (in Russian).

Morgunov, E.V., Snegireva, G.V. (2004). *Natsional'naya (gosudarstvennaya) innovatsionnaya sistema: sushchnost i soderzhaniye* [National (state) innovation system: the sense and content], *Sobstvennost i rynek*, no. 7, p. 9 (in Russian).

Shchuka, A.A. (2010). *Fiztekh i fiztekhi* [Phys-Tech and phys-techs]. Izd. 3. Moskva: Fiztekhpolograf (in Russian).

Sobyanin, V.A., Dulepova, N.V. (2012). *Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet kak vektor razvitiya fundamental'nogo vysshego obrazovaniya* [Novosibirsk State University as a vector of development of the fundamental higher education], in V.V. Lunin, N.E. Kuzmenko (Eds.). *Estestvennonauchnoye obrazovaniye: vzaïmodeystviye sredney i vysshey shkoly* (pp. 43–63). Moskva: Izd-vo MSU (in Russian).

Vodichev, E.G. (2010). Issledovatel'skiy universitet v prostranstve akademicheskogo kompleksa: tochki rosta i predely vozmozhnostey v ramkakh slozhivshikhsya modeley razvitiya [Research university in the space of academic complex: the growth points and limits in the framework of the existing development models], in *Nauchnoye, ekspertno-analyticheskoye i informatsionnoye obespecheniye natsional'nogo strategicheskogo proyektirovaniya, innovatsionnogo i tehnologicheskogo*

razvitiya Rossii. Trudy Shestoy Vserossiyskoy naychno-prakticheskoy konferentsii. 27–28 maya 2010 [Scientific, expert-analytical and information support of national strategic forecasting, innovative and technological development of Russia: Proceedings of the Sixth All-Russian scientific and practical conference. May 27–28, 2010]. Part 2 (pp. 316–322), Moskva (in Russian).

Vodichev, E.G. (2019). Nauka i vysshaya shkola: dikhotomiya mobilizatsionnoy paradigmy [Science and higher school: the dichotomy of the mobilisation paradigm], *Idei i idealy*, 11 (3), p. 1, 58–78 (in Russian).

Vodichev, E.G. (2012). *Nauka na vostoke SSSR v usloviyakh industrialisatsionnoy paradigmy* [Science on the East of the USSR under the industrialisation paradigm]. Novosibirsk: Akadem. izd-vo “Geo” (in Russian).

Vodichev, E.G., Krasilnikov, S.A., Lamin, V.A., et al. (2007). *Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoye otdelenie. Istoricheskiy ocherk* [Russian academy of Science. Siberian branch. A historical essay]. Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Vodichev, E.G., Liss, L.F., Uzbekova, Yu.I. (2013). *Vysshaya shkola v usloviyakh sistemnykh transformatsiy: sravnitelno-istoricheskiy aspekt* [Higher school under systemic transformation: comparative historical aspect]. Novosibirsk: Akadem. izd-vo “Geo” (in Russian).